

«РИТТИХОВСКАЯ» ХЛЕБНАЯ РАЗВЕРСТКА ЗИМЫ 1916/17 ГОДОВ: ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОМ РАЙОНЕ

М. В. Оськин

*Институт законоведения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации, г. Тула*

Поступила в редакцию 16 мая 2017 г.

Аннотация: рассматривается вопрос проведения хлебной разверстки в Центрально-Черноземном районе накануне Февральской революции 1917 г. Неудача результатов разверстки объясняется слишком сжатыми сроками, назначенными для получения хлеба. Однако, если оценивать это мероприятие с учетом достаточного времени до лета 1917 г., то неуспех его становится условным и относительным.

Ключевые слова: Министерство земледелия, Риттих, хлебная разверстка, продовольственный кризис.

Abstract: this article examines the results of holding grain the surplus in the Central-Chernozem region before of the February revolution of 1917. The failure results of surplus due to tight deadlines for receipt of bread. However, when evaluating this event, given enough time until the summer of 1917, the failure it becomes conditional.

Key words: Ministry of Agriculture, Rittich, bread razverstka, food crisis.

Период Первой мировой войны 1914–1918 гг., наряду с прочими многочисленными проблемами, вставшими перед воюющими между собой военно-политическими блоками, выдвинул такую проблему, как продовольственный вопрос, от решения которой во многом зависел исход мирового противостояния. В Российской империи этот вопрос к началу 1917 г. стал одним из ключевых, подтолкнув назревавшую революцию.

Начало 3-го операционного года (заготовка продовольствия и фуража для армии считалась с начала войны, т. е. с середины года до середины следующего) для Министерства земледелия и Главного интендантского управления, отвечавших за снабжение фронта и тыла, ознаменовалось сокращением объема хлебозаготовок и падением грузопотока продфуража для действующей армии. Помимо объективных причин (сокращение рабочих рук в сельском хозяйстве, позднее начало уборки урожая, ослабление транспортных усилий и пр.), в минус хлебозаготовительной кампании сыграло основное противоречие между потребностями фронта и возможностями тыла.

В связи с ростом Вооруженных сил (в начале 1917 г. – 12 335 000 ртов и 2 650 000 лошадей на фронте [1, л. 123], не считая 1,5 млн чел. во внутренних округах) интендантский наряд на 3-й операционный год требовал 61,5 млн пудов пшеничной муки (72 млн пудов зерна), 184,5 млн пудов ржаной муки (205 млн пудов зерна), 392 млн пудов овса и ячменя

и 48 млн пудов круп [2, л. 5–9]. Для сравнения: во 2-й операционный год этот наряд составлял 97,4 млн пудов пшеницы, 125,4 млн пудов ржи, 232 млн пудов овса и ячменя и 26,3 млн пудов круп [3, с. 5]. Таким образом, фронту надлежало поставить на 20 % больше продовольственного хлеба, на 40 % больше фуражного хлеба и вдвое больше круп.

Между тем валовой сбор хлебов в Европейской России оказался на 400 млн пудов меньше уровня 1913 г. [4, с. 192–195], а на вывоз сибирского хлеба не приходилось рассчитывать вследствие перегруженности Транссибирской магистрали. Как справедливо оценивалось на местах, наряд на 1916 г. «почти удвоен против прошлого года, потому что 12 губерний империи заняты неприятелем, а Сибирь постигнута недородом. Поэтому центральные губернии должны отдать для армии большую часть собранной ими ржи, а овес – почти весь» [5, л. 33–33 об.].

С учетом того, что государство было вынуждено взять на себя ответственность за снабжение тыла – оборонных предприятий, городов, рабочих поселков и т. д., излишков хлеба как таковых, подобно предыдущим годам, не было. Следовательно, помимо введения твердых цен, что было сделано еще в конце 1915 – начале 1916 г., Министерство земледелия обязывалось взять у производителей и держателей хлеба все излишки, а возможно, и более. Такой шаг предполагалось сделать посредством изъятия хлеба у производителей, используя аппараты уполномоченных Особого Совещания по продовольственному делу, отвечавших за снабжение местного населения, и

уполномоченных Министерства земледелия, закупавших хлеб для армии. Наиболее оптимальным методом такого изъятия была признана хлебная разверстка – принудительная покупка хлеба по твердым ценам.

В конце августа 1916 г. съезд уполномоченных предпринял погубернскую разверстку хлебов для кампании 1916/17 гг. Первая разверстка обуславливалась нараставшим дефицитом хлебов. В условиях невысокого урожая и резкого увеличения потребностей армий в продовольствии каждый пуд хлеба, вывезенный на рынок, был необходим для снабжения фронта и тыла, так как для удовлетворения даже скромных потребностей государство должно было ежемесячно иметь около 91 млн пудов зернофуража [6, с. 91].

Программа разверстки вступила в силу при министре земледелия А. А. Бобринском, занявшем этот пост летом 1916 г., в преддверии новой хлебозаготовительной кампании. В первоначальном проекте разверстки уполномоченным предлагалось приобретать хлеб «сообразно размерам посева. Малопосевные хозяйства подлежат освобождению от поставки; чем посев значительнее, тем больше надлежит назначать к поставке хлеба с каждой десятины. Землевладельцев и крестьян надлежит привлечь к поставке на равных основаниях». Однако определение прогрессивной шкалы на практике было весьма затруднительно, и потому циркулярная телеграмма Бобринского уполномоченным в конце октября 1916 г. гласила: «Ввиду требования военных властей срочно пополнить запасы на фронтах, прошу уполномоченных немедленно приступить к описи запасов, а затем срочно приступить к сплошному приобретению хлеба у землевладельцев и крестьян и сплошной переработке зерна. Если состояние дорог мешает подвозу к станциям, можете в срочных случаях доплачивать за извоз, считая такую доплату накладным расходом» [7, л. 122–123].

Что касается губерний Центрально-Черноземного региона, то они обязывались к сдаче более 150 млн пудов хлебов [8, с. 489] (табл. 1).

Таблица 1

Раскладка хлебов по разверстке для
Центрально-Черноземного района (в тыс. пудов)

Губерния	Рожь	Пшеница	Овес	Просо	Гречиха	Итого
Тамбовская	24 592	–	5225	4650	–	34 467
Рязанская	–	–	6779	–	–	6779
Тульская	7241	–	13 767	–	–	21 008
Орловская	14 876	–	10 229	–	350	25 455
Курская	4033	1750	8690	1660	8050	24 183
Воронежская	36 470	3882	4169	2430	–	46 951

Практически сразу крестьянство отнеслось к идее разверстания хлебов с недовольством, что нашло свое отражение в письмах различным политическим деятелям. Например, в письме крестьянина Воронежской губернии П. Н. Милюкову от 20 октября 1916 г. утверждалось, что крестьяне не продают хлеб не вследствие твердых цен, а потому, что такие цены выгодны лишь спекулянтам, которые скупают хлеб, мелют его и продают казне уже муку. Вдобавок «земские агенты принимают хлеб только вагонами, а крестьяне везут его возами, так что весь крестьянский хлеб должен попасть в руки спекуляции за бесценок». В письме рекомендовалось реквизировать мельницы и принимать хлеб сразу у крестьян с возов по твердой цене [9, л. 815]. В письме из Тульской губернии к В. А. Маклакову от 17 ноября 1916 г. жаловались, что Тульское уездное продовольственное совещание сделало распоряжение о продаже населением уполномоченному по 5 пудов ржи и 13 пудов овса с десятины, «не разбирая состоятельных от несостоятельных». В итоге беднейшим приходится покупать на базаре по 2,50 пуда рожь и поставлять казне по 1,58 пуда [10, л. 134]. Наконец, в письме из Екатеринбурга 19 ноября 1916 г. члену Государственной думы А. И. Рыслеву указывалось, что крестьяне не придерживают хлеб в ожидании выгоды. Крестьянин оставляет излишек в ожидании своего призыва, чтобы обеспечить семью, так как никто не знает, каков будет урожай в будущем году [там же, л. 162].

Именно поэтому в печати объявлялось, что хлебная разверстка – это патриотическое, а не коммерческое предприятие [11, с. 2], и одной из ее задач ставилось предотвращение изъятия хлеба из деревни военными властями [12, р. 51]. Именно так оно и воспринималось местными властными органами. Например, в решении Белевского продовольственного совещания Тульской губернии говорилось: «Представители крестьян должны передать населению, что те деньги, какие население получает теперь в виде пайки, уйдут быстро, но те, кто получит деньги от казны и не хотят работать, – изменники родины» [5, л. 24 об.].

Проект разверстки обсуждался на заседании Особого Совещания по продовольственному делу 27 ноября и был одобрен 22 голосами против 4. Официоз сообщал: «Отмечая, что с установлением твердых цен в сущности уже была введена хлебная повинность – но эта повинность не была равномерной, носила случайный характер, так как реквизиция применялась по усмотрению и спорадически, члены Совещания приветствовали введение разверстки, которая устранил эту случайность и неправильность, в особенности ввиду привлечения к этому делу земских учреждений». Проект вносит «начало справедливости в дело понудительной продажи хлеба», а сама

разверстка – это «действительно целесообразная и практическая мера, правильно распределяющая тяготу поставок по твердым ценам на все население, занимающееся сельским хозяйством» [13, с. 1031].

Проводить в жизнь разверстку пришлось и д. министру земледелия А. А. Риттиху, занявшему этот пост 26 ноября 1916 г. Постановление А. А. Риттиха от 29 ноября 1916 г. «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной» устанавливало правила и принципы государственного приобретения хлеба непосредственно из рук производителей – крестьянства. С помощью разверстки в зимний период предполагалось получить 772 млн пудов хлебов, в том числе 150 млн пудов овса, 120 млн пудов ячменя, 285 млн пудов ржи, 189 млн пудов пшеницы, 10,5 млн пудов проса и 17,5 млн пудов гречихи.

В основу хлебной разверстки между губерниями Европейской России было положено «исчисление по каждой губернии избытков и недостатков хлеба по данным об урожае 1916 г., о запасах от урожаев прежних лет и о потребности местного населения». С мая 1916 г. было организовано получение от земских учреждений сведений о видах на урожай на каждое 1-е и 15-е числа месяца. К концу августа от земств были собраны предварительные данные об урожае, пополненные затем в октябре и ноябре окончательными данными по всем губерниям. Считалось, что в Европейской России урожай ржи – «хороший и отличный»; озимой пшеницы (1/3 всего посева пшеницы) – «хороший, местами отличный»; яровой пшеницы – «ниже среднего, местами плохой»; в общем для пшеницы – «ниже среднего». Для овса, ячменя, проса и гречихи – «близкий к среднему, но несколько ниже его», приблизительно – на 10 %. Министерство земледелия полагало, что запасы от прошлых лет должны составлять 165 млн пудов ржи, 200 млн пудов пшеницы и 100 тыс. пудов ячменя с оговоркой, что «учесть распределение этих запасов, определяемых с достаточной вероятностью по Европейской России в целом, по отдельным губерниям затруднительно». В исчисление потребности населения в хлебе легли три источника: 1) средние данные за предвоенное пятилетие (1909–1913 гг.), «выведенные на основании учета производства, вывоза и ввоза хлебов»; 2) выборочная разработка материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.; 3) данные, сообщенные местными уполномоченными председателя Особого Совещания по продовольствию [2, л. 2–4].

Таким образом, в основу разверстки между регионами требовавшегося количества хлеба в 772 млн пудов легли во многом умозрительные данные, без учета как существенного для Европейской России сокращения сбора, так и поздней уборки хлеба, что

не позволило к началу зимы сдавать кондиционное зерно. Весной и летом урожай 1916 г. оценивался весьма оптимистично, что находило отражение на страницах печати. Однако был упущен из виду пороговый характер зависимости урожайности от погодных условий. То есть кратковременные колебания погоды в наименее удобный для культуры краткий период времени, результатом чего становится немалый ущерб будущему сбору хлеба в связи с его порчей или даже гибелью. В 1916 г. свою роль в ряде хлебопроизводящих регионов сыграл именно этот фактор, который осенью был усугублен поздним сбором, сушкой и обмолотом зерна из-за нехватки рабочих рук [15, л. 643]. Результат – реальный урожай не соответствовал объемам разверстания, установленным съездом, а потому государству предстояло взять у производителей не только товарные фонды зерна, но и часть потребительного фонда.

Что касается оценки расчетов Министерства земледелия, то об их во многом ошибочных цифрах говорит сообщение казанской губернской земской управы в Особое Совещание по продовольствию в январе 1917 г., основанное на докладе представителя казанского земства князя А. А. Кропоткина на чрезвычайном собрании членов Всероссийской сельскохозяйственной палаты 28 ноября – 1 декабря 1916 г. [16, с. 20–23]. Казанцы утверждали, что перепись 1916 г. в отношении учета хлеба проводилась не совсем точно, и еще до сбора, что оставило урожай неизвестным. В итоге в расчетах есть масса неточностей, которые должны быть исправлены, так как экстраполяция небольших сведений на хозяйство всей губернии может дать цифры в миллионы пудов хлеба, которые будут на бумаге, но не в действительности. Остатки от прежних урожаев также определялись рискованно, так как «для определения этих остатков были выяснены запасы, существовавшие в 2 % хозяйств, и полученные цифры распространены на общую совокупность хозяйств». Такой прием очень опасен, так как «величина запаса пищевых средств так тесно связана с индивидуальными условиями каждого отдельного хозяйства и в отдельных случаях столь различна, что весьма мало вероятно, чтобы среднее, нужное для общих расчетов, могло быть уловлено при регистрации 2 % всех случаев». В частности, Управление делами Особого Совещания определило запасы хлеба урожая 1915 г. в 30 млн пудов, а Центральное статистическое управление – в 4 млн пудов. Норма потребления вычислялась чисто арифметически: брался средний за несколько лет чистый сбор хлебов в губернии по данным статистики, устанавливался ввоз и вывоз хлебов и, наконец, «оставшаяся в губернии масса зерна делили на число жителей», из каковых цифр и выводился размер разверстки. Однако этот способ не учитывал водных и

особенно гужевых перевозок, ввиду чего наличный запас хлеба может сильно отличаться от расчетного [17, л. 33–35].

Схожую картину дает и сравнительный расчет по Тульской губернии. Телеграммой от 9 декабря 1916 г. министр земледелия определил поставку хлеба с Тульской губернии в 27 930 тыс. пудов, «включая в это количество и хлеб, уже закупленный уполномоченным по Тульской губернии». Эта цифра исходила из заключения редакционной комиссии по докладу тульской губернской управы о положении продовольствия в Тульской губернии в 1916–1917 гг. В свою очередь, тульская губернская земская управа представила другие цифры – 4816 тыс. пудов ржи и 13 767 тыс. пудов овса, «включая в это количество весь ранее поставленный хлеб» и «при неременном условии обеспечения губернии жмыхами и отрубями». Туляками отмечалось, что это – «максимум того, что может дать Тульская губерния, не обрекая своего населения на голод и не посягая на семенной запас... К сказанному можно прибавить только одно: больше указанной цифры взято с населения во всяком случае не будет, хотя бы между уездами была разложена и большая цифра» [18, л. 6].

Механизм разверстки заключался в следующем: требуемое от губернии количество хлеба развертывается по волостям пропорционально посевной площади и собирается уездной комиссией через посредничество волостных комиссий. Пример местного расклада дают материалы продовольственного совещания в Туле 11 ноября 1916 г. На совещании отмечалось, что самой справедливой мерой станет подесятинная раскладка: 27 пудов овса и 10 пудов ржи с десятины посева. В связи с фактом и свободной продажи по твердым ценам эту цифру можно понизить наполовину – 13 и 5 пудов соответственно. Наряду с прочими мнениями, было предложено провести прогрессивное обложение, как то предусматривалось Министерством земледелия еще в сентябре. Однако «ввиду недостатка времени и острой нужды в хлебе на фронте собрание отклоняет это предложение и поручает старшинам на сходах сделать справедливую раскладку между отдельными домохозяевами». Было отклонено и предложение о поставке муки вместо зерна в связи с чрезвычайной загруженностью мельниц, работавших на нужды фронта, и недостатком топлива. Таким образом, обязательное обложение – это мера взамен принудительной реквизиции [5, л. 8].

Относительно цифр в 27 пудов овса и 10 пудов ржи это арифметическая раскладка: 13 млн пудов овса, требуемых с губернии по государственному наряду, делим на 479 800 десятин под овсом, получается 27 пудов; 6 млн пудов ржи наряда делим на 560 500 десятин под овсом и получаем 10. Причина

обязательной поставки с посевной десятины – чтобы избежать несправедливости: крестьянин, вывезший хлеб в Москву, продаст его по вольным ценам и выиграет, а крестьянин, сдавший хлеб государству по твердой цене, проиграет.

В результате отказов местных органов от разверстки разверстка была принята и проводилась в 21 губернии, в том числе во всех регионах Центра страны. Изначально разверстка была рассчитана на 35 дней с завершением к 6 января 1917 г., но вскоре была продлена до 1 марта, т. е. отсрочена на 54 дня. Фактическое выполнение разверстки составило около 170 млн пудов к марту [19, л. 65]. Разница – те самые 350 млн пудов недобора ярового урожая.

Исходя из такой цифры, чаще всего делается вывод о неудаче или даже «провале» разверстки. Между тем закупка и доставка хлеба адресатам – это не одно и то же. Разверстка в 772 млн пудов была рассчитана на период до урожая 1917 г., т. е. до середины лета. Задача правительства заключалась в скорейшем получении этого хлеба, чтобы накормить города и создать запасы для армии на планировавшееся Ставкой верховного командования весеннее наступление, поэтому уполномоченным ставились нереальные сроки – 6 января или 1 марта. Это мнение как основополагающее привел в некрологе на смерть Риттиха в 1930 г. один из его сотрудников – Б. Юрлов [20, л. 35]. Министерство земледелия намеревалось получить в свои руки максимум возможного ресурса в кратчайшее время и потому было обречено на относительную неудачу своего мероприятия, так как взять все излишки сразу у миллионов мелких производителей было бы невозможно (табл. 2).

Таблица 2
Заготовки хлеба из урожая 1916 г. [14]

Месяц	Закуплено	В процентах	Получено	В процентах
Август 1916 г.	26 103 000	8,1	2 100 000	1,1
Сентябрь	66 578 000	20,7	19 759 000	10,0
Октябрь	85 317 000	26,5	43 849 000	22,5
Ноябрь	55 783 000	17,0	38 100 000	19,4
Декабрь	54 198 306	16,8	48 934 306	24,9
По 23 января 1917 г. (неполные данные)	35 359 849	10,9	43 375 871	22,1
Итого	323 339 155	100,0	196 118 177	100,0

Как видно из табл. 2, к концу января 1917 г. уполномоченными было закуплено более 40 % требовавшегося по разверстке хлеба. Действительно, объем полученного хлеба являлся не столь уж большим, однако дальнейшее развитие ситуации зависело от усилий транспорта и во многом от улучшения погодных условий, что позволило бы разгрузить железные дороги. Именно поэтому 3 января 1917 г. Риттих

увеличил твердые цены на хлеб в случае его доставки крестьянами к станциям железных дорог: франко-станция вместо обычного франко-амбара.

К тому же хлебобродные южные губернии отказались от проведения разверстки, так как занимались снабжением чрезвычайно разросшегося в ходе Брусиловского прорыва Юго-Западного фронта и образованного в декабре 1916 г. Румынского фронта. Только на театре военных действий требовалось питать более 12 млн человек, и потому южные регионы, вынужденные поставлять хлеб сразу на фронт, не могли выполнять разверстку для тыла в тех объемах, каких требовало Министерство земледелия. Поставляемый фронту продфураж, разумеется, шел в зачет разверстки, но насколько точной являлась система учета – это еще вопрос. Например, Бессарабская губерния, на которую легла тяжесть снабжения Румынского фронта, по разверстке должна была поставить 36 584 тыс. пудов хлеба, а на 6 февраля 1917 г. в регионе уже было заготовлено 30 927 тыс. пудов [21, л. 167]. То есть Бессарабская губерния практически полностью справилась с заданием на разверстку, формально от нее отказавшись (закупки проводились по старым правилам) и отправляя большую часть полученного хлеба непосредственно в действующую армию.

Проблема заключалась в выполнении разверстки регионами, не входившими в театр военных действий, – Центр России, Поволжье, Северный Кавказ, Дон, Кубань и т. д. Наиболее богатые хлебом центральные губернии достаточно успешно справлялись с выполнением разверстки, неизбежно отставая по требуемым срокам, но прилагая максимум усилий. Так, телеграмма воронежского уполномоченного В. Н. Томановского от 3 февраля 1917 г. о ходе выполнения разверстки сообщала, что из общего наряда в 51 646 000 пудов уезды первоначально приняли к разверстке 49 602 393 пуда; разверстано же волостями «по имеющимся пока сведениям» 20 490 517 [22, л. 1]. В данном случае цифра только по одной Воронежской губернии вдвое превышает цифру, сообщенную В. Г. Громаном на Особом Совещании 10 февраля 1917 г. [23, л. 11] и названную в известной докладной записке на имя императора председателем Государственной думы М. В. Родзянко, поспешившим сделать вывод о крахе разверстки [24, с. 18–19].

В более сложном положении оказались те регионы Центрально-Черноземного района, которые соседствовали с потребляющими губерниями. Дело в том, что с падением уровня хлебозаготовок, начиная с сентября 1916 г., и отправкой большей части получаемых хлебных ресурсов на фронт все более надвигающимся от непосильных заданий транспортом огромное значение приобрел гужевой вывоз хлеба из

производящих губерний в потребляющие. Крестьяне, горожане, скупщики и др. – все эти категории населения промышленных регионов с осени 1916 г. постепенно переходят к практике самоснабжения, которое уже после революции, в 1917 г., выродилось в феномен «мешочничества».

Если Курская губерния была включена в тыловой район Юго-Западного фронта и поэтому частично работала на его нужды, то из Орловской губернии хлеб вывозился гужем в Калужскую и Смоленскую губернии [25, л. 12а], из Тамбовской – во Владимирскую и Пензенскую [26, л. 318, 324]. Примечательно, что сам Риттих в телеграммах местным уполномоченным просил их «не препятствовать потребителям вывозить гужем из вашего района мелких партий ржи, закупленных для собственных надобностей» [27, л. 24, 39]. Из Тульской губернии, и без того имевшей минимум избытков, так как северные уезды губернии питались собственным хлебом лишь до февраля, рожь вывозилась в Москву и ту же Калужскую губернию [18, л. 32 об.].

Тульский губернатор пытался остановить вывоз, однако Риттих телеграфировал в Тулу, что «закупка ржи в смежных губерниях и доставка ее гужевым путем является единственным способом для прокормления населения» [27, л. 56–57]. В одной из телеграмм в Министерство земледелия тульское земство четко определило последствия непомерных требований по разверстке: «военное ведомство будет введено в заблуждение, основывая свои расчеты на получение того количества хлеба, которое оно в действительности никогда не получит»; «возможны всевозможные эксцессы на почве предъявления непосильных требований»; «население, с такой готовностью отзывавшееся на требование поставки хлеба по раскладке, убедившись в совершенной неисполнимости предъявленных требований, начнет всячески уклоняться от них и в той части, которая является безусловно исполнимой»; «не менее вредно отзывается на продовольственном деле и почти полное отстранение от него земских учреждений» [18, л. 6 об.].

Объяснение сложившейся обстановке дали рязанцы: «Принудительная разверстка была, очевидно, населением понята как бесплатная, почему подвоз овса сокращается до минимума и начинается вакханалия гужевого вывоза овса за пределы губернии» [28, л. 86]. В связи с тяжелой ситуацией Рязанская губерния была освобождена по разверстке от поставки ржи, но овса должна была дать почти 9 млн пудов [29, л. 12 об.]. В Рязани ситуация зашла в тупик: 6 февраля рязанское земство просило Начальника штаба Верховного главнокомандующего (т. е. Ставку и, по сути, самого императора) «спасти нашу губернию от надвигающегося голода» [30, л. 244].

В историографии обыкновено считается, что разверстка окончилась провалом, однако в целом за 3-й операционный год было заготовлено 508 543 тыс. пудов хлеба из наряда в 772 100 тыс. пудов (65,9 %) [31, л. 1]. Следовательно, нельзя говорить об одно-значном провале данного мероприятия. Конечное получение 3/5 наряда отнюдь не говорит о провале, если учитывать, что вскоре в стране началась революция, что объективно снизило успехи продовольственной политики. Неудача разверстки была в том, что хлеб не поступил зимой, как то было намечено Министерством земледелия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2003. – Оп. 2. – Д. 1030.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). – Ф. 6809. – Оп. 1. – Д. 100.
3. Совецание уполномоченных 25–31 августа 1916 г. : материалы. – Пг., 1916.
4. Сельское хозяйство России в XX веке : сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. – М., 1923.
5. Государственный архив Тульской области. – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 27.
6. Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Избранные произведения : в 2 кн. / Н. Д. Кондратьев. – М., 1993. – Кн. 1.
7. РГВИА. – Ф. 499. – Оп. 3. – Д. 1643.
8. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А. Л. Сидоров. – М., 1973.
9. ГА РФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1058.
10. ГА РФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1061.
11. Тамбовский край. – 1917. – № 46.
12. Lih L. T. Bread and Authority in Russia, 1914–1921 / L. T. Lih. – Berkeley, 1990.
13. Известия Министерства земледелия. – 1916. – № 49.
14. Вестник Всероссийской сельскохозяйственной палаты. – 1917. – № 3–5.
15. ГА РФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1056.
16. Добротвор Н. М. Продовольственная политика самодержавия и Временного правительства / М. Н. Добротвор // Исторический сборник. Труды Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького : в 12 т. – Горький, 1939. – Т. 3.
17. ГА РФ. – Ф. 9453. – Оп. 1. – Д. 3.
18. Государственный архив Тульской области. – Ф. 1742. – Оп. 2. – Д. 9.
19. Российский государственный исторический архив. – Ф. 456. – Оп. 1. – Д. 579.
20. ГА РФ. – Ф. 5881. – Оп. 2. – Д. 110.
21. ГА РФ. – Ф. 6809. – Оп. 1. – Д. 37.
22. ГА РФ. – Ф. 3087. – Оп. 1. – Д. 26.
23. ГА РФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 2288.
24. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март–октябрь 1917 г. : в 3 ч. – М. ; Л., 1957. – Ч. 2.
25. Государственный архив Тульской области. – Ф. 1742. – Оп. 2. – Д. 10.
26. ГА РФ. – Ф. 6831. – Оп. 1. – Д. 221.
27. ГА РФ. – Ф. 6831. – Оп. 1. – Д. 38.
28. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 19.
29. ГАРО. – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 2998.
30. РГВИА. – Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 81.
31. ГА РФ. – Ф. 1783. – Оп. 2. – Д. 12.

Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, г. Тула
Оськин М. В., кандидат исторических наук
E-mail: maxozv@yandex.ru
Тел.: 8-915-780-03-95

Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association, Tula
Oskin M. V., Candidate of Historical Sciences
E-mail: maxozv@yandex.ru
Tel.: 8-915-780-03-95